

Книги Артема Каменистого
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ЗАПРЕТНЫЙ МИР
РАДИУС ПОРАЖЕНИЯ
САФАРИ ДЛЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
РАЙ БЕСПОЩАДНЫЙ**

Цикл
«ПРАКТИКАНТКА»

**ПРАКТИКАНТКА
БОЕВАЯ ЕДИНИЦА**

Цикл
«ПОГРАНИЧНАЯ РЕКА»

**ПОГРАНИЧНАЯ РЕКА
ЗЕМЛИ ХАЙТАНЫ
ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД
ЭТО НАШ ДОМ**

Цикл
«ВРЕМЯ ОДИНОЧЕК»
**ВРЕМЯ ОДИНОЧЕК
ДОРОГИ СМЕРТНИКОВ**

Цикл
«ДЕВЯТЫЙ»
**ДЕВЯТЫЙ
НА РУИНАХ МАЛЬРОКА**

© UPH 1967

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

РАЙ
БЕСПОЩАДНЫЙ

РОМАН

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К18

Серия основана в 1992 году
Выпуск 752

Художник
О. Юдин

Каменистый А.

К18 Рай беспощадный: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 439 с.: ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1093-4

Мы те, кому не повезло, — нас приманили яркой игрушкой, а потом забрали в рай, оказавшийся адом. И мы те, от кого удача хоть в чем-то не отвернулась, — мы остались людьми, а смерть подарила нам отсрочку. Каждый из нас мнит себя отдельной вселенной, но мы всего лишь жалкие пылинки в урагане космоса. Никто не знает, зачем мы здесь и существует ли выход, — мы просто стараемся выжить.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1093-4

© Артем Каменистый, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

В последние годы число без вести пропавших в России устойчиво колеблется по разным данным от 70 до 100 тыс. человек в год. Вместе с ранее пропавшими, которых ищут от года до 15 лет, общая цифра составляет в пределах 120 тыс., причем примерно 25 % из них — дети и подростки.

В 2001 году более 840 тысяч американцев были объявлены пропавшими без вести в ФБР. Это почти один из каждых 300 человек! В других странах это соотношение еще выше, а в Австралии это один из каждых 100.

Информация с просторов Интернета

Возьмите компакт-диск и рассыпьте на его поверхности жменью риса. Назовите центр диска Солнцем, а зерна — планетами, спутниками планет, астероидами, кометами, метеороидами. У вас получится примитивная модель Солнечной системы, в которой компакт-диск играет роль плоскости эклиптики. Все вещество в нашей системе концентрируется вблизи этой незримой плоскости, образуя исполинский блин, вращающийся вокруг своего центра.

Считается, что эта особенность космической архитектуры является следствием процессов, протекающих на поздних стадиях эволюции протопланетного облака. Но если взять структуру более высокого порядка — нашу галактику, — то и там мы можем наблюдать аналогичное явление: галактический диск, вращающийся вокруг своего центра. И даже более того: известны некоторые скопления галактик, вероятно устроенные по тому же принципу.

Кто знает — не исключено, что вся наша Вселенная такой же «компакт-диск», где «зернами риса» служат эти колоссальные скопления.

Вращение вокруг единого центра не подразумевает гармонии орбит, из-за чего при всей пустынности Солнечной системы случаи столкновения небесных тел — явление обыденное. Пока вы дочитали до этого места, произошло несколько сотен тысяч таких событий — речь идет только о Земле и только о пересечениях с объектами, размеры которых существенно больше атома.

Большой части таких миниатюрных космических катастроф человечество не замечает. Из остальных наиболее распространенное явление — метеор. Завораживающий яркий росчерк в ночном небе, оставляемый гибнущим в атмосфере космическим гостем. В особо серьезных случаях, при немалых размерах «гостя», росчерком дело не ограничивается — иной раз даже в солнечный день можно полюбоваться необычным зрелищем: ярким болидом.

Но это — редкость, обычно все ограничивается метеорами.

Наблюдая за траекториями и скоростями метеоров, можно вычислять их орбиты — это ценная научная информация. На ее основе изучают распределение вещества в Солнечной системе, эволюцию небесных тел и многое другое. Имеется и практическая польза: ионизированный газ в следе метеора можно использовать для создания короткодействующих каналов связи.

Иногда, очень редко, анализ треков некоторых метеоров показывает, что они пришли не из плоскости эклиптики. Гости из других систем или даже галактик. Впрочем, в большинстве таких случаев астрономы ссылаются на ошибки измерений. Некоторые даже предполагают, что ошибочны они всегда. В Солнечной системе плотность вещества ничтожна, но ведь в межзвездном пространстве его на много порядков меньше. Если оттуда и может что-то приходить, то очень нечасто. Нет статистики — нет материала для анализа: в век бурного развития науки явление осталось практически неизученным.

Но все изменилось в один день. От двух до ста восьмидесяти четырех событий в час. Масса данных для анализа. Об ошибках не могло быть и речи: крошечные небесные гости не

имели ни малейшего отношения к плоскости эклиптики — они влетали в Солнечную систему по примеру зерен, которые сыпали на компакт-диск в начале этого рассказа. Почти под прямым углом из одной точки небесной сферы. Оставляя на память о себе яркий росчерк в небе — его можно было заметить невооруженным глазом даже днем.

Откуда они появились, мы пока не знаем. Но узнаем — ведь они продолжают прилетать. Значит, данные для исследования накапливаются. Нам обязательно надо это установить.

Ведь после них не только росчерк в небе остается.
С ними приходит беда.

ГЛАВА 1

— Смотри, звезда упала! Какая большая!.. — зачарованно, тихо и одновременно звонко произнесла — лишь она одна так умела. — Очень близко упала: мне показалось, что вот-вот — и прямо на макушку приземлится!

Неохотно отведя взгляд от ее коленок, туго обтянутых брючками, Макс задрал голову, уставился в небо. Вечер ясный — даже назойливый городской свет не смог скрыть звезд. На морозце они поблескивают, как льдинки, играющие гранями.

— Загадай желание! Ну же! Быстрее!

— Я не успел. Не увидел ее.

— Максим! Она ведь такая яркая была! Очень яркая! Как можно было не увидеть?! Вот меньше надо на мои ноги смотреть! Тем более что я в таких ужасных штанах!

Смутившись, он неловко возразил:

— Ничего они не ужасные. Нормальные.

— Ага. Хуже могут быть только ватные. На которых номер тюремный ставят. Холодно сильно. Мерзну.

Поднявшись с насеста металлического заборчика, Макс молча начал стаскивать куртку. Но Лера молчать не стала:

— Только не надо джентльмена опять из себя строить! Смешной ты — неужели думаешь, что надену такое? Сидеть просто холодно на этой железяке, а сама не замерзла.

Логика странная, Максую недоступная, но раздеваться перестал.

Мимо школьного дворика, пошатываясь на ровных местах и неведомым способом удерживаясь от падений на колдобинах, прошел мужчина серьезного возраста. Покосившись на юную парочку, он, движимый чувством любви ко всему человечеству, пьяно предостерег:

— К-красавица! Не сиди на железе! П-простудишь свою... В общем, простудишься! Дочка!..

Проводив его взглядом, Лера недовольно вздохнула:

— Папин сослуживец бывший. Уволили его из-за водки. Похоже, не узнал меня. Совсем спился... Может, пойдем отсюда?

— Домой? — разочарованно вздохнул Максим.

— Вообще-то пора.

— Давай тогда дальней дорогой пойдем? — спросил он с надеждой.

Лера, вздохнув, выдала:

— Вот хороший ты, Максим, во всем, но не хватает тебе настойчивости. Нерешительный ты какой-то. Не трус и не рохля, а просто мягкий, как игрушка, покладистый. Плохо это для мужчины.

Вот что на это можно ответить? Нерешительный? Спасибо, хоть трусливым не назвала. С его физическими данными и упрямым характером мелкие наезды можно вообще игнорировать, снисходительно посматривая сверху вниз на оппонентов: пусть ничтожные моськи лают на слона. Если, конечно, источник наезда — особь мужского пола. Большие люди, как правило, добродушны, и это не просто так — они могут себе это позволить.

А вот с девчонками... Ладно другие, а вот с Лерой у Максима было то, чего никогда ни с кем не бывало, и он даже знать не знал, что такое вообще возможно. Ну не в силах он ни в чем ей возразить. Тупеет в присутствии этого белокурого ангела. Готов любоваться с восторгом щенячьим и мечтать, что этот миг будет длиться вечно. Если раньше мысли были вечно заняты какой-то ерундой, то теперь — лишь Лерой. Глядя на себя со стороны, иной раз удивлялся собственному поведению, но не считал нужным предпринимать попытки к исправлению ситуации. Его не устраивала лишь ее холодная отстраненность — с остальным готов смириться. Лишь бы они стали ближе друг другу.

Лера при желании могла им вертеть как хотела, и счастье, что такого желания у нее не замечалось. По крайней мере, в слишком явной форме.

— Ну, чего молчишь? Максим, что такое?! Ты не заболел?!

Очнувшись, он покачал головой и неожиданно для самого себя выдал:

— Лер... Я... Я собирался в армию пойти. Пока вы сюда не переехали. Мечтал. Готовился. В десант. Как старший брат. Традиция у нас такая. Военная семья. Все через это проходят.

— А как же университет?! Поступать?!

— Да потом можно поступить.

— Нечего тебе там делать! Ты — светлая голова, умница, спортсмен и всего достигнешь. А там только время потеряешь, чужие носки стирая. Еще и убьют дурачка ни за что!

— Не так все там...

— Вот не надо со мной спорить!

— А ты бы... — сделав долгую паузу, Макс наконец решил — будто в омут с обрыва бросился: — А ты бы ждала меня, если бы я пошел?

Несмотря на полную жизненную неопытность, Лера не стала спешить с ехидной отповедью. Инстинкт, женское чутье и что-то еще подсказывали: момент слишком ответственный. Поднявшись с холодного заборчика, замерла рядом. Стройная невысокая фигурка в короткой шубке укрылась от света пощаженного вандалами фонаря в тени Макса — высокого, широкоплечего, и без того массивного, а толстая куртка это только усугубляла.

— Да, Максим. Ждала бы, — ответила тихо, несмело — слова сами собой вырвались.

Ему не дали прочувствовать сказанное, осознать, спятить от счастья: голос, резкий, возбужденный, визгливый, срывающийся на крик, разрушил сказку:

— Эй! Макс! Привет!

Несмотря обернувшись, недружелюбным тоном, подчеркивающим полнейшее нежелание продолжать диалог, ответил:

— Привет, Жора.

— О! Да ты не один! Лерка?! Привет, новенькая! Я тебя в тени от этого бугая и не заметил! Ха-ха! А чего вы тут стоите?!

Георгий являлся полнейшей противоположностью Максима — был отличен от него абсолютно во всем. Мелкий, подвижный как шарик ртути, крикливый пронира, вечно сующий свой нос куда возможно и невозможно. Живущий в эпицентре главных событий мальчишеской жизни, знающий абсолютно все слухи и нередко являющийся их родоначальником. Макс — живая флегматичная скала, равнодушно (если не сказать заторможенно) позволяющая проноситься мимо волнам мелких событий, — не всегда успевал

за стремительностью мыслей соседского парнишки. Вот и сейчас, не понимая, чего он хочет, ответил уклончиво:

— А что нам делать надо? Лежать?

— Ха! А почему на светляк не идете смотреть?

— Какой светляк? — раздраженно и одновременно заинтересованно уточнила Лера.

Нескрываемая досада от того, что разговор был прерван на самом интригующем моменте, перемешивалась с женским любопытством.

Жора, не желая замечать, что является «третьим лишним», опять затараторил:

— Ну вы даете! Да вон он! За котельной! Ослепли совсем?!

Обернувшись в указанном направлении, «Ромео и Джульетта» с удивлением уставились на старое здание котельной. За ним что-то неестественно ярко светилось, отбрасывая причудливые блики на глухую стену близлежащей девятиэтажки. Они прекрасно знали, что дальний угол всегда был погружен во мрак, но и без того нетрудно понять — там происходит нечто необычное. Как минимум Жорик пытается их разыграть, а как максимум...

— Это что — и правда светляк? — недоверчиво уточнила Лера.

Макс молчал, мечтая лишь об одном: чтобы и Жора, и светляк, и котельная сгинули куда-нибудь подальше от него. Жаль, звезды больше не падают — именно такое желание хотелось загадать.

Сосед при всей своей проницательности до сих пор не понял, что присутствие его в данный момент крайне нежелательно, и продолжал свою нескончаемую скороговорку:

— А что же еще! Видели, какая звезда в небе сверкнула?! Звездища! А потом там загорелось это! Леха сразу туда побежал, а я домой на секунду заскочил, за фотиком. На нем видео супер получается — не то что на трубе. Сейчас снимать буду. И вы в кадре засветитесь. Завтра же в сеть выложу или даже сегодня, если братан комп не займет. Прославитесь на весь мир. Ну чего стоим?! Пошли!

Странно, но Макс пошел. А куда деваться, если Лера косятся так умоляюще.

Женское любопытство...

Ну почему этот светляк не загорелся немного попозже?

Несмотря на досаду из-за испорченного чудесного момента, Макс не мог не признать, что ему тоже любопытно взглянуть на светляк поближе. Загадочное явление — никто толком не знает, что это такое. Слухов масса — он даже в сети подолгу копался, из-за природной любознательности стремился найти истину. Но не нашел: ее зерна терялись в массе неправдоподобных домыслов и откровенной чуши. Причем последняя была в большинстве. Особенно пышно она цвела на тысячах сайтов, где кроме псевдонаучной ерунды всегда можно было найти баннеры, рекламирующие услуги по созданию железобетонных убежищ на случай конца света или призывающие обзавестись недвижимостью в сейсмически безопасных регионах вдали от атомных электростанций. Само собой, и адреса магазинов, торгующих всякой всячиной для выживальщиков, там тоже можно было найти без труда.

Неизвестное всегда беспокоит обычных людей, будоражит психов и активизирует коммерческую жилку предприимчивых дельцов.

Все выглядело просто: светляк возникал время от времени, обычно после наблюдения в небе крупного метеора. Свидетелей зарождения было немного, слова их сомнительны, так что доверять им Макс не мог. Но вот не верить в само явление невозможно: тысячи роликов и фоток в Интернете, газетные и журнальные статьи, передачи по телевидению. Даже учитель физики, однажды заведя об этом речь, позабыл про тему урока и до звонка увлеченно рассказывал, что, по его мнению, имеет место реакция холодного термоядерного синтеза, вызванная попаданием пучка космических лучей в богатое водородом вещество.

Странное явление, прежде неизвестное, ворвалось в жизнь человечества неожиданно и уходит пока что не собиравшись. Чем дальше, тем более сумасшедшими становились слухи — появилась даже религиозная секта, поклонявшаяся «Огню божественному, новоявленному, очищающему». Поговаривали о человеческих жертвоприношениях. Это косвенно подтверждалось реакцией властей: если вначале к огонькам относились инертно, оставляя на откуп всем желающим их осмотреть, то затем начались гонения. В большинстве стран строжайше не рекомендовалось приближаться к месту

появления светляков, а кое-где за это ввели административную ответственность. Запреты мотивировали чрезмерным уровнем радиации и опасностью сгореть без следа, как это якобы случалось с некоторыми зеваками. Аргументы эти были противоречивы и неправдоподобны, мало кто принимал их на веру. По этому поводу какие-то окончательно оторвавшиеся от реальности правозащитники даже протест объявляли неоднократно, требуя, чтобы ООН ввела в перечень прав человека право беспрепятственно любоваться ФПС — феноменом поверхностного свечения.

Даже там, где за любопытство не штрафовали и не сажали в тюрьмы, наслаждаться зрелищем было непросто. Светляки оперативно окружались полицией и солдатами — через оцепление пропускали только ученых, имеющих разрешение. Простые смертные довольствовались роликами и фотографиями сомнительного качества.

Макс не был фанатиком, и запретительные меры его не возмущали. Тем более что слухов о том, будто светляки небезобидны, ходило предостаточно, а их противоречивость не удивляла: любое явление рано или поздно обрастает домыслами. Быстрая реакция властей, ограничивающих доступ к загадочным объектам, была логичной и возмущения у него не вызывала — им, наверное, виднее.

Но сейчас другое дело. Светляк возник только что, и никаких кордонов пока что нет. Возможно, их даже не успеют поставить — феномен, бывало, исчезал через несколько минут, лишь в единичных случаях держался до полутора десятков часов. Никто не запретит любопытным взглянуть на него поближе, сфотографировать, снять ролики. Разве можно удержаться от искушения прикоснуться к неведомому? И не будь этого долгожданного «да» от Леры, Макс бегом бы мчался к старой котельной. Ну разве можно в таком возрасте удержать любопытство в узде?!

Как же все не вовремя...

* * *

Все оказалось до банальности предсказуемо — не зря Макс столько времени убил, рассматривая фотографии и ролики. Слепительный сгусток белого пламени размером с лесной орех примостился на кирпичном обломке — их в этом захлам-

ленном уголке много валялось. Несмотря на яркость сияния, смотреть на него было небожно — лишь глаза инстинктивно прищуривались. Интенсивность менялась: «орех» то тускнел, съеживался, будто усыхая, то вспыхивал с новой силой, разбрасывая россыпи блесков по стене котельной и соседних домов — будто солнечные зайчики от сотен крошечных зеркала.

Жорик, сосредоточенно сопя, снимал светляк с разных ракурсов — увлекшись этим занятием, он даже тараторить перестал. Пользуясь моментом, Макс взял в руку узкую Лерину ладошку, дурачки улыбнулся, когда девушка ее легонько сжала. Ни он, ни она не стали доставать телефоны: почему-то перехотелось возиться с фотографированием, да и у соседа это получается гораздо лучше.

Хотелось просто стоять неподвижно, смотреть на чудо космическое и держаться за руки.

Но Жора физиологически не способен молчать больше тридцати секунд:

— А чего Лехи нет?! Он же сюда сразу пошел! А?! И вообще никого нет! Стены закрывают со всех сторон, но кто-то же должен это видеть?! Леха!!! Ты где?!

На крик никто не ответил, лишь светляк запылал сильнее и начал отбрасывать красноватые блики.

Сжав ладошку Леры чуть сильнее, Макс покосился на девушку, столкнувшись с ней взглядом: она, оказывается, тоже не на светляк любит. Оба улыбнулись одновременно и так же синхронно поморщились от нового крика Жоры:

— Чего это он?! Я такого в роликах не видел!

Чуть ли не с мясом оторвав взгляд от Леры, Макс раздраженно уставился на светляк. С ним и впрямь творилось что-то неладное: он почему-то начал светиться красным и пульсировал с нарастающей частотой.

— Это что-то невероятное... ролик с руками оторвут теперь... рейтинги будут зашибись, — невнятно пробубнил Жора, присев перед светляком и не прекращая его снимать.

Раздражающие вспышки красного тревожили, заставляли вспоминать жуткие слухи о кровожадности маленьких огоньков и малоправдоподобной мистике, с ними связанной. Таинственным историям несть числа, и кто знает — может, не все из них плод фантазии.

Частота вспышек достигла того значения, когда глаза

их перестали воспринимать, — светляк загорелся раскаленным рубином, окрасив обшарпанную стену котельной в цвет крови.

— Жора, давай отойдем. С этим светляком что-то неладно, — осторожно предложил Макс.

— Ага. Сам вижу, — не прекращая снимать, согласился Жорик. — Он, наверное, сейчас погаснет — надо это обязательно записать. Это будет настоящая бомба!

Сияние действительно начало затухать — вместо раскаленного рубина остался крошечный, еле тлеющий уголек. Но Макса это не успокоило — потянув Леру за руку, он завел ее за спину, инстинктивно прикрывая от неведомой опасности. Попятился, продолжая отталкивать девушку от светляка. Назад, к школе, в сторону кучки зевак, тоже спешащих полюбоваться зрелищем феномена.

Жора, склонившись чуть ли не до земли, лихорадочно снимал последние мгновения существования светляка. Вспышка ярко-алого пламени, беззвучная и ослепительная, сожгла его тело в одно мгновение. Макс, отшатываясь назад, попытался оттолкнуть Леру подальше от огня, но не успел.

ГЛАВА 2

Боль жуткая, нестерпимая, способная убить в одну секунду. Но ей не дали на это времени — лишь неуловимо крошечное мгновение она терзала тело, исчезнув так же внезапно, как появилась, сменившись ощущением свободного падения.

Только что глаза разрывало красным огнем — и вдруг вспышка яркого солнечного света, головокружение, отсутствие опоры под ногами, а потом Макс почти плашмя с оглушительным всплеском рухнул в воду.

Дальше сработали рефлексy опытного пловца — разум был парализован от неожиданности и несуразности происходящего, а тело уже действовало. Наверх, к свету и воздуху. Макс упал с приличной высоты, и даже теплая одежда не защитила от последствий сильного удара о воду — слегка оглушило. Погрузиться тоже солидно успел, к тому же хлебнул горько-соленой тепловатой гадости, разбавленной кровью из прокушенной губы.

Вынырнув, Макс сделал глубокий вдох. Порция кислорода оживила разум, и первая мысль была, как это ни странно, о Лере. Только что он на миг выпустил ее руку — и все, она пропала. Беспомощно озираясь, он пытался разглядеть ее, но тщетно: лишь сверкающая гладь моря и пенные барашки на ленивых волнах.

— Лера!!! Ты где!!! Лера!!!

Ответом ему был лишь плеск волн.

В отчаянии, с трудом преодолев сопротивление отяжелевшей одежды, вскинулся дельфином, но ничто не помогало — Леры нигде не было. Это просто ужасно: разум рисовал картины одна страшнее другой. Вот она идет ко дну, отчаянно тянется руками к тускнеющему солнечному свету, захлебывается. Или тонет неподвижно, потеряв сознание после жестокого удара о водную поверхность.

Из-за всех этих мыслей Макс не сразу понял, что и сам вот-вот пойдет ко дну. Хороший пловец просто помыслить о такой чуши не мог, а зря: теплая одежда, набрав воды, превратилась в свинцовые доспехи — мало того что сковывала движения, так еще и вниз тянула. Приходилось прилагать титанические усилия, чтобы просто удерживаться на поверхности.

Игнорируя опасность, Макс продолжал озираться по сторонам и, краем глаза увидев среди волн нечто новое, сначала чуть не закричал от радости, но тотчас понял, что это точно не Лера. Темный конусообразный предмет, похожий на высокий буюк. Что это, зачем это — он понятия не имел, но поплыл туда без раздумий. Что бы это ни было, за него можно подержаться, неспешно освобождаясь от сковывающей одежды: бороться на волнах со всеми этими мокрыми застежками и молниями — дело непростое.

Двигался Макс немногим успешнее топора, со страхом понимая, что еще чуть-чуть — и полностью с ним сравняется в плавучести. Если немедленно не отдохнуть или не избавиться от одежды, то придется узнавать, далеко ли здесь до дна. К счастью, буюк совсем близко — странно, что он сразу его не заметил. Остается надеяться, что там будет за что ухватиться.

И вправду буй или что-то на него похожее. Цилиндр метра два диаметром сантиметров на тридцать выглядывает из воды. По центру колпаком волшебника возвышается узкий и

высокий конус — у основания его руками обхватить можно, а макушка вровень с Максом.

Преодолев последние метры, в отчаянии вскинул руки. Есть — удалось ухватиться за край! Там тянулось что-то вроде узкого и невысокого бортика — будто специально для пальцев сделано. В изнеможении расслабившись, Макс пару минут провисел на месте, покачиваясь на волнах. Но бесконечно блаженствовать нельзя — неизвестно, что здесь происходит, но надо позаботиться о себе.

Расстегнуть куртку оказалось нетрудно, а вот стащить ее — задачка та еще: мокрая подкладка будто приклеилась к свитеру, категорически отказываясь с ним расставаться. Рукава в итоге пришлось вывернуть наизнанку — так оказалось проще.

Дальше трудностей не было — свитер почти не капризничал, брюки тоже. Зашвырнув скомканную одежду на буй, Макс опять замер, раздумывая над дальнейшими действиями. Собственно, раздумывать особо не о чем: у него одна дорога — надо вскарабкаться на этот цилиндр и там наконец нормально осмотреться. Будь он в хорошей форме — пустяк. Но сейчас, вымотанный борьбой с одеждой и волнами до состояния выжатой тряпки... Нет, забраться, конечно, заберется, но не без труда. Лучше немного повисеть, перевести дух и потом уже спокойно все сделать.

Болтаясь в воде, Макс начал более-менее здраво анализировать обстановку, пытаясь понять, куда же его занесло после вспышки светляка.

Первое предположение было самым желанным: вдруг он попросту спит? Ущипнув себя за руку, поморщился: больно. Значит, увы, все наяву.

Где он вообще? Уж явно не в Балтике, и вообще, в Питере таких жарких декабрей не бывает. Хотя в другом полушарии в эту пору как раз лето — может, он там? Или в тропиках? Запросто: вода теплая, почти как в ванной. Судя по горько-соленому вкусу, это море, но в таком «парном» море ему купаться не доводилось — даже в Турции, куда они всей семьей ездили отдыхать в прошлом году, было прохладнее. Хотя все равно здорово.

Плохо, что берега не видно, — не хотелось бы оказаться в открытом океане. Хотя, наблюдая за какой-то водорослью, проплывшей мимо, Макс понял, что буй болтается на одном

месте. Значит, заякорен. Раз так, то глубина здесь не может быть слишком большой, иначе цепь или трос его утопят или просто порвутся под собственным весом. Да и какой смысл ставить такой знак посреди какой-нибудь глубоководной впадины? Ими вроде бы обозначают фарватер, мели, рифы — разные важные для судоходства вещи.

Здесь вроде нечего обозначать...

Ладно, остается надеяться, что его занесло в тропики. Все же ближе к дому, чем в другом полушарии очутиться. И зря он так за Леру перепугался. С чего это ей тоже здесь оказываться? Жоры ведь не видно. Вообще никого нет. Одному Максу, наверное, повезло как утопленнику.

Мало того что этот проклятый светляк не вовремя возник, так еще и пакость устроил! Такой вечер обгадить! А что там Лера думает после того, как он исчез?! Вот почему это именно с ним, именно сейчас случилось!!!

Неподалеку послышался громкий всплеск. Волны, смыкаясь, иногда производили похожие звуки, но масштаб их был несопоставимо скромнее. Будто что-то в воду упало, или очень крупная рыба резвится.

А ведь в тропиках рыбы бывают разные. В том числе и очень неприятные. Хищные...

В памяти услужливо всплыли увиденные в сети фото с бедолагами-туристами: откушенные руки и ноги, рваные раны. От таких мыслей Макс позабыл про усталость — будто реактивный, вынесся из воды, уверенно оперся на обе руки, подтянулся чуть выше, закинул правую ногу на поверхность цилиндра. И почти сразу же вытащил левую — ему очень не хотелось ее лишиться.

Поверхность цилиндра была теплой и шероховатой от наслоившихся засохших водорослей, птичьего помета, натечков соли и мельчайшего песка. Это Макса обрадовало — верный признак того, что это внутреннее море или залив. В океане, с его свирепыми штормами, этот хлам не смог бы накопиться — быстро смоеет. Хотя кто его знает, как там бывает... Разбирается он в этом слабо, да и опыта маловато — возможно, даже в таком, казалось бы, неоспоримом факте ошибается.

Конус был столь же грязен — невозможно определить, из чего он сделан. Сняв рубашку, Макс повесил ее на вершину: пусть подсохнет хоть немного. Стоя на медленно раскачивающемся цилиндре, прикрываясь рукой от солнца, начал

осматривать горизонт. И почти сразу же увидел кое-что интересное: неподалеку, приблизительно в километре или немного меньше, волны вспениваются вокруг россыпей черных точек. Похоже на скалы. Рифы. Но берега рядом не наблюдаются. Это плохо.

С других сторон море тоже оказалось не пустынным: те же россыпи темных точек на разном удалении. Ближайшие вообще рядом — метров сто пятьдесят максимум. Их Макс разглядел хорошо: действительно какие-то неровные камни. Местами одиночные, но в основном группируются кучками, сливаясь в подобие островков, разделенных извилистыми узкими протоками или приличными водными пространствами. И поверхность моря рядом с ними необычная — светлая, с какими-то цветными пятнами разных оттенков. Похоже, мелко там.

Теперь понятна причина отсутствия больших волн — среди этих рифов им негде разгуляться. Куда ни плюнь, везде они — при всем желании трудно, наверное, найти здесь хотя бы квадратный километр, свободный от скал и мелей. Макс крупно повезло, что его выбросило над водой, — иначе бы разбился.

Рифов — как мака в пирожке, но ни одного порядочного острова Макс, как ни старался, не рассмотрел. Ни малейшего признака нормальной суши. Куда податься — непонятно. Надежда на то, что буй обозначает фарватер, тоже не оправдалась: среди этих скал на лодке с трудом пройти можно, а про большой корабль даже думать не стоит. Может, это радиомаяк плавучий, отмечающий опасный для судоходства район? Если так, то его должны навещать работники для обслуживания. Но непохоже, что они здесь часто бывают: по виду он уже не первый год болтается. Брошенный? Вполне вероятно...

Может, здесь что-нибудь полезное найдется? Внутри? Кнопка подачи сигнала бедствия или что-нибудь в этом роде? Должен же быть люк или другой способ забраться туда.

Придерживаясь за вершину конуса, Макс осторожно, стараясь не раскачивать буй, начал обходить его по кругу. В конце короткого путешествия разочарованно вздохнул: никаких люков или отверстий, все тот же мусор на ровной поверхности. Под ногой что-то блеснуло. Присев, освободил из хлама темные очки с огромными стеклами. Очистил присохшие во-

доросли, повертел в руках, положил обратно — такие только девчонки носят.

Тут же заметил кое-что еще — бурое пятно возле вершины конуса. Очень похоже на подсохшую кровь. А рядом — углубление в наросте: будто кто-то содрал весь хлам, пытаясь добраться до поверхности цилиндра. А вот и сама поверхность: темный металл, прохладный на ощупь, несмотря на жаркий день. Ржавчины не видно, лишь вездесущие белесые пятна соли.

Буй из нержавеющей стали? А почему бы и нет — Макс понятия не имеет, из чего их делают. Одно странно: все те, что ему доводилось видеть раньше, были ярко выкрашены, для заметности. А этот — нет.

Скорчившись за конусом, укрылся от обжигающих солнечных лучей и призадумался.

Что дальше? Сидеть здесь бесполезно — непохоже, что сюда часто люди заглядывают. Очки пластиковые, их могло волнами принести, или позабыли туристы, появляющиеся здесь раз в год. Пятно бурое наводит на нехорошие мысли, но не факт, что это кровь, — может, остатки какой-нибудь экзотической медузы или чего-то еще в этом роде. Хотя как ее могло занести на вершину конуса?! Про летающих медуз слышать не доводилось...

Ладно, будем считать, что помощь сюда не придет, а если и придет, то слишком поздно. Воды нет, еды нет — долго Макс здесь не протянет. Пить, кстати, уже сейчас хочется — на таком солнцепеке это неудивительно.

Подняв голову, сперва нахмурился, а потом и вовсе остолбенел. Нет, ему не показалось. Наверху проглядывает призрачный неполный диск — будто Луна в ясный день. Только размеры у этого диска раза в два побольше. Или у него обман зрения, или какая-то чертовщина происходит.

Вспомнив самые неправдоподобные рассказы о светляках, Макс почувствовал себя еще более неуютно (хотя куда уж больше!).

Хватит! Иначе так и просидит здесь, пока в мумию не превратится! При такой жаре это дело недолгое — даже тень от конуса не защитит. Надо убираться отсюда. Раз есть рифы, должна быть и настоящая суша. А здесь ловить нечего — ни один нормальный капитан и близко не подведет корабль к такому опасному месту.

Встав, Макс стащил с конуса рубашку: плотная ткань уже почти высохла на солнце и ветерке — лишь воротник чуть сыроват. С остальным тряпьем дело обстоит хуже: мокрое совсем. Надо и его подсушить. Куртку и свитер ладно еще — можно здесь оставить, а вот без штанов и рубашки он быстро сгорит до костей. Летний дачно-речной загар уже почти сошел, так что кожа его долго в таком пекле не выдержит.

В этот момент опять послышался все тот же настораживающий всплеск. Макс успел заметить, как среди волн на миг показалось что-то темное, похожее на рыбу спину, и опять воцарились тишина и спокойствие.

Акула? Возможно. С виду рыбешка очень даже немаленькая. А может, просто дельфин резвится или какой-нибудь тунец? Вот и гадай теперь...

Макс с тоской уставился в сторону ближайших рифов. Метров сто пятьдесят... ну, двести максимум. Сколько у него уйдет на эту дистанцию? С учетом того, что придется тащить кое-какие вещи, — около двух минут. Если течение встречное, то гораздо больше.

А сколько понадобится акуле? Меньше... гораздо меньше...

Налегке пойти? С рекордной скоростью? Нет, без одежды ему там делать нечего.

Так, не надо паниковать. Если здесь действительно крутится акула, вечно это продолжаться не будет. Ее, возможно, привлек шум от падения Макса. И кровь могла почуять — из прокушенной губы капля-другая в воду обязательно попала, а нюх у рыб отменный. Но, не найдя ничего интересного, она рано или поздно уберется. И вообще — надо еще убедиться, что это действительно хищник. Скорее всего, ложная тревога.

Напялив рубашку и тяжелые сырые штаны, Макс начал наблюдать за окрестностями. Каждый подозрительный бурун над волнами заставлял его вздрагивать, напрягать глаза, но все тщетно — признаков присутствия акулы он не заметил.

Солнце тем временем поднялось выше — видимо, день здесь только начинается и главное пекло еще впереди. Сидеть здесь уже неуютно, а ведь дальше только хуже будет — жажда замучает.

Еще раз оценил дистанцию до рифов... Увы, она не уменьшилась. Надо на что-то решаться, а не запугивать себя выду-

манными страшилками. Акула не показывалась — или ее вообще не было, или уплыла по своим делам.

А перед глазами все еще стоят те кадры... с откушенными конечностями...

Да его здесь страх прикончит, а не акулы! Хватит!

Макс, злясь на самого себя, опять стащил брюки и рубашку, соорудил из них подобие чалмы, нахлобучил на голову. Покосился на куртку. Теплая, зимняя. Намокнув, стала совсем неподъемной. Нет, ее он точно не потащит, как и свитер. Порылся в карманах. Какой-то размякший бумажный хлам; мертвый мобильник — вода проникла внутрь; несколько монет; начатая пачка жевательной резинки; связка ключей. Все, кроме мусора, перекочевало в штаны — может пригодиться.

Ботинки... Хорошие ботинки — легкие, теплые, не стесняющие движений. Босиком он ходить не мастак — надо тоже прихватить. Эх... Пришлось мудрить, привязывая их к «чалме», — благо шнурки длинные.

Теперь присесть на дорожку, пошарить взглядом по волнам в поиске акул — и, никуда не денешься, хочешь — не хочешь, а уплывать придется.

* * *

Плыть оказалось труднее, чем думал Макс. Накаркал — похоже, течение мешало, да и «чалма» на голове не прибавляла удобств. Еще волны норовили щедро напоить — для него, привыкшего к спокойной воде, это было неприятно. А если учесть, что за каждым всплеском мерещилась подкрадывающаяся зубастая тень, то и вовсе грустно становилось. Хотя последнее хорошо стимулировало — его тренер был бы счастлив, увидев такой впечатляющий результат.

До ближайшего рифа оставалось метров десять, когда нога коснулась дна. Поднялся, тут же скривился — в ступню впились что-то острое. Кожу не проткнуло, но неприятно. Хорошо, что ботинки прихватил — здесь они, похоже, пригодятся. Коралловая поросль будто щетка — ступить некуда.

Посмотрел на часы: непромокаемые, противоударные — подарок отца. Три с половиной минуты плыл. Далеко не рекорд, но в таких условиях вполне достойно.

Шагать пришлось медленно, осторожно выбирая более-менее ровные участки без острых коралловых веточек. Но

пока добрался до скалы, уколол ногу еще дважды, причем на второй раз ступню поранил до крови. Нет, он все же гений, раз догадался прихватить обувь. Без ботинок здесь делать нечего.

Скала не обрадовала — бесполезная глыба. Пористый непрочный камень с темно-коричневой коркой, серовато-желтый там, где она откололась. Формой и размерами этот риф напоминал диван с низкой спинкой, за ним, отделенные узкой полосой мелководья, тянулись такие же бесплодные островки.

Дно пестрое от разноцветных зарослей кораллов. Водорослей почти нет, крупной живности тоже не видно — лишь мелкие рыбки шныряют стайками. Много крупных раковин и их обломков, под один из них заполз маленький краб, вспугнув такую же мелкую креветку.

Присев на теплый шершавый камень, Макс снял с головы опостылевшую «чалму», натянул тяжелые брюки и рубашку, затем ботинки — босиком ходить по здешнему дну только йоги смогут. Никакого намека на пляж с мягким песочком нигде в округе не видать — везде тот же камень, местами сплошь покрытый зарослями кораллов. Но в этом Макс не совсем уверен — кораллы он лишь по телевизору видел, ну еще у мамы в бусах. Не специалист по ним.

А это что? Чуть дальше, на одном из совсем уж плоских рифов, едва возвышающемся над водой, вспух смолисто-черный горб — будто бородавка диаметром метра полтора и высотой в метр. Таких кораллов Макс точно никогда не видел.

Заинтригованный, подошел поближе, потрогал плотную поверхность. Под пальцем подалась, будто размякший на солнце асфальт. Присев, осмотрел низ. В камень «бородавка» выросла прочно — как суперклеем прихваченная.

Что это такое? Если действительно коралл, то Макс в них, получается, вообще ничего не понимает.

Оставив загадочную «бородавку» в покое, покосился назад. Разглядел буй, все так же колышущийся на волнах. На миг показалось, что рядом с ним что-то плещется, но это оказались барашки на гребнях волн. Интересно, сможет он вернуться потом к этому месту? Надо бы запомнить дорогу. Зачем это надо, Макс не знал — просто не хотел терять из виду единственный явно рукотворный объект в этом безлюдном месте.

Остаться здесь бессмысленно. Воды нет, еды тоже, разве что от солнца можно укрыться за самыми приличными рифами. Но нельзя ему в тенечке нежиться — пока есть силы, надо искать варианты получше.

Забравшись на самый высокий в округе риф, Макс осмотрелся. Никаких признаков благодатной суши не увидел, зато неподалеку, приблизительно в полукилометре, суетились морские птицы, собравшиеся в одном месте. Явно не просто так — что-то вкусненькое нашли. Не мешало бы и самому на это посмотреть — еда Максy пригодится.

* * *

Даже в ботинках идти было тяжело. Дно, будто издеваясь, то подступало к самой поверхности, то разверзлось ямами глубиной по пояс и больше. Еще и непрочные ветви кораллов экстрима добавляли — наступать на них чревато падениями. Вода была кристально-чистая, и даже волнение не мешало разглядеть опасные участки, так что в западню Макс ни разу не угодил. Но нервничал — все внимание приходилось уделять тому, что под ногами творится, а хотелось смотреть по сторонам.

Хотя имелись и плюсы — поглядывая вниз, Макс не раз замечал местных обитателей: какие-то мелкие рыбки шныряли в одиночку и маленькими стайками; упитанные креветки, неспешно перебирая лапками, уходили с его пути; израненную медузу прибило к подножию рифа; от обглоданной здоровенной рыбьей головы в щели между камнями расползлись крупные крабы. При желании здесь можно найти себе пропитание, хотя это не имеет смысла без воды. Морская его не спасет — Макс откуда-то точно помнил, что пить ее можно лишь малыми дозами и недолго. В противном случае начнутся огромные проблемы. Да и жажда она не утоляет — заплыв от буя к рифу ее немного уменьшил, но теперь она возвращалась с новой силой. Может, еще раз искупаться? Нет, смачивание кожи помогает мало, а времени на это уходит много. Достаточно поддерживать одежду в сыром состоянии.

Не выдержав, остановился, достал пачку жевательной резинки, бросил в рот белую подушечку. Хоть чем-то рот занять, да и для зубов полезно.

По берегу полкилометра минут за пять мог бы пройти, а

здесь полчаса пришлось переться. Не спешил, осматривал по пути каждый риф, обходил стороной глубокие расселины и впадины — нет смысла раздеваться, чтобы, проплыв несколько десятков метров, опять одеваться.

Под конец путь улучшился — рифы здесь слились в единый неровный массив. Можно было идти по суше, а не по мелководью. Правда, ослаблять внимание нельзя: не по тропу топаешь.

Птицы улетели неохотно и недалеко — расселись по окрестным возвышенностям дожидаться ухода Макса. Увидев то, что вызывало их гастрономический интерес, он пожалел о своей любознательности.

Труп. Настоящий труп. Страшный и вонючий. Синюшная вздувшаяся кожа, бескровные уродливые раны, оставленные птичьими клювами, мерзкий запах. Лежит на суше в крошечной ложбинке меж двух уступов. Подходить Макс не стал — и так все понятно. С удивлением оценил одежду покойника: брюки явно не летние и дубленка с поднятым воротником. Наряд не для тропиков.

Сражаясь с подступающей тошнотой, отошел от страшной находки, покосился в сторону буя. Там, обвязанные рукавами вокруг конуса, остались его куртка и свитер. Такая же теплая одежда, как у мертвеца. Совершенно очевидно, что бедолага попал сюда точно так же, как Макс. Вот только ему очень не повезло. Даже работа птичьих клювов не скрыла главного: голову изначально повредили не они. Скорее всего, он тоже оказался здесь на приличной высоте, вот только под ним простерлась суша, а не вода. Разбился насмерть или сильно покалечился, а помощь оказать было некому.

Макса передернуло — ведь и с ним могло произойти такое же.

Это что же получается? Он не единственная жертва светляка? Был как минимум еще один. Так вот почему власти никого к ним не подпускают! Макс бы тоже не подпускал, знай, что там пропадают люди.

Стоп! Он ведь еще не пропал. Он жив, просто не знает, где находится.

И еще эта непонятная штука, так похожая на Луну, только слишком огромную. В голове такой кавардак, что можно все списать на обман зрения, шокированного световыми эффектами светляка и резкой сменой освещения — от декабрьского

вечера до тропического дня. Да и про последствия телепортации он ничего не знает — вдруг на голову повлиало?

Ни самолетов в небе, ни прогулочных катеров с туристами, ни больших кораблей на горизонте, ни маяков — ничего не видно. Где вообще на Земле остались такие уголки? Доводилось Максу видеть фильм про Большой Барьерный риф, который возле Австралии. Похожая местность, хотя лишь на первый взгляд: таких рифов, как здесь, он не припомнил, там немного по-другому все выглядело — без этих россыпей ноздреватых скал, поросших «бородавками». Но ведь вряд ли там все показывали.

Туристы в той передаче были. Хотя, если он не ошибается, там говорилось, что этот грандиозный риф тянется на тысячи километров — наверняка можно найти нетронутые уголки.

Повезло же ему в один из таких угодить...

Проклятый Жора: вот почему ему вечно не сидится на месте?!

Обойдя мертвеца стороной, Макс вскоре вышел к краю рифа: сушу здесь будто ножом срезали — за ровной линией обрыва тянулась синяя бездна. Если приглядеться, можно различить смутные серые тени — дно просматривается. До него, наверное, не меньше тридцати или даже сорока метров, но вода такая чистая, что, несмотря на легкое волнение, кое-что увидеть можно. Чуть дальше от берега глубина резко увеличивалась — там уже ничего не просматривалось: однородно-синяя бездна, пронизанная солнечными лучами.

Нетронутый край — ни мусора, ни радужных пятен от горячего, ни туповатых гонщиков на скутерах, ни полуголых и полупьяных купальщиков. Но Макс сейчас душу готов отдать, лишь бы все это здесь появилось, — ему все больше и больше не нравилось происходящее.

За глубокой расселиной дальше опять начинались рифы — шириной она была не больше полутора сотен метров. Тянулась ровной линией, будто стрела, указывающая на буй. Посмотрев в противоположную от него сторону, Макс сумел разглядеть вдалеке россыпь крупных скал. Возможно, это оконечность острова, или с них он сможет увидеть гораздо дальше. Глядишь, и сушу найдет. А эта подводная пропасть будет ориентиром, если он захочет вернуться назад: идти ведь можно вдоль нее.

Хотя зачем ему это надо? Куртку потом забрать? Он и без нее вряд ли здесь замерзнет.

Не выдержав, разделся, нырнул с рифа, стараясь достать поглубже — там вода похолоднее. Единственный в его положении способ бороться с жаждой — меньше будет потеть после купания и, следовательно, сохранит влагу.

Выбравшись на сушу, поспешно оделся: солнце с каждой минутой становилось злее. Краем глаза заметил что-то необычное, выделяющееся на фоне серых камней. Повернул голову и похолодел — из неглубокой расселины на него таращился человеческий череп. Чуть дальше валялась длинная кость.

Правильно он решил — надо уходить. Спасателей здесь не дождешьсяя.

ГЛАВА 3

Макс не умел на глаз определять большие расстояния. В пределах сотни-другой метров еще ладно, а вот дальше начинались сложности. Вот и сейчас понятия не имел, сколько пришлось пройти, прежде чем добрался до скал. По ощущениям, не меньше двадцати километров, но здесь, в хаосе рифов и отмелей с неровным дном, ориентироваться по степени усталости неразумно.

Но вряд ли меньше пяти. Может, семь километров, а может, и все десять. По кошмарной дороге, на солнцепеке — испытание серьезное. Одежда, увы, не защищала полностью — уже начало печь кожу на запястьях и ушах, да и глаза ноют, измученные яркими бликами от воды. Он уже сто раз пожалел, что не захватил тех очков, — хоть к бую возвращайся.

По пути наткнулся на неприглядный привет от цивилизации: в протоке между двумя рифовыми грядами выловил пластиковую бутылку. К сожалению, пустую. Но все равно обрадовался — дико было столько пройти, не встречая никаких признаков рукотворного мусора. В сочетании со странно подресшей Луной наводило на пугающие размышления.

На радостях долго тащился с этой бутылкой, придумывая ей применение. Так ничего и не придумав, оставил на одном из голых островков. Не просто так бросил — насадил горлышком на воткнутую в трещину толстую ветку. Палка трухлявая,

белая от соли, но еще держится. Такой ориентир можно разглядеть издали — отличная метка на случай, если придется возвращаться к бую.

Почему он так старается запомнить дорогу назад, Макс сам не понимал. Наверное, инстинктивно цеплялся за место, где оказался по воле светляка.

Если не считать бутылки и палки, других полезных находок не встретилось. Скучная и тяжелая дорога: то прыгать по камням; то брести по мелководью, стараясь не свалиться и не угодить ступней в капкан узкой расщелины или скопление ветвистых коралловых побегов; то, раздевшись, с «чалмой» на голове переплывать очередную водную преграду.

Кстати, вплавь получалось быстрее и не так напряженно, как по суше. Макс даже пришлось перебороть соблазн — хотелось спокойно грести вперед, не связываясь с превратностями неудобного берега. Но это было глупо: плавание отнимает слишком много энергии. Да и акулы продолжали пугать — если он и впрямь возле Австралии очутился, то здесь им самое раздолье. И то, что ни одной морской хищницы Макс пока не заметил, ничего не доказывает — волков в лесу он тоже никогда не видел, но это ведь не означает, что их там нет.

* * *

Первой странностью этого места была необычно огромная луна в небе — ее Макс мог объяснить лишь проблемами со зрением или непонятными атмосферными явлениями.

Вторая странность — практически полное отсутствие мусора: единичная пластиковая бутылка — это ничто, а солнечные очки на буе и труп рядом с ним списывать на стандартный хлам было бы неправильно.

Третьей странностью оказались долгожданные скалы.

К скалам эти объекты не имели ни малейшего отношения. Посреди приличного по местным меркам водного пространства, свободного от рифов и мелководья, вздымалась вереница труб. Диаметр у всех одинаковый — приблизительно метра четыре, и расстояние между ними одно и то же — около полутора метров. А вот высота разная: первая, самая рослая, вымахала почти с девятиэтажный дом. Следующая чуть-чуть ниже,

дальше тоже ниже, и так по нисходящей до последней — эта возвышалась метров на восемь—десять.

Поверхность труб выглядела так же запущенно, как и на том буге: не похоже на новенькое сооружение — даже с берега понятно, что там такое же запустение. На вершинах обосновались чайки, причем давненько — загадили колоннаду основательно.

Что это такое? Уж точно не трубы затонувшего парохода. И вообще ни на что не похоже. Может, это приливная электростанция? Или экспериментальная исследовательская установка, брошенная учеными? А может, военный объект? Например, станция для слежения за подводными лодками.

Бред все это — что бы ни строили ученые или военные, они обязаны подчиняться общим законам возведения подобных сооружений и попросту логике. А здесь нет лестниц металлических; нет ограждений; нет строительного хлама, которым должны быть завалены окрестные островки; нет причалов или их остатков. Вообще нет никаких признаков пребывания человека, кроме самих труб. А ведь сил на возведение подобной конструкции должно быть затрачено немало — сотни рабочих необходимо привлечь. Их надо было где-то размещать, чем-то кормить, на чем-то возить от берега к стройке. Наследить должны были капитально.

Но ничего нет...

Может, это корабль затонувший? Пусть странный, но все равно корабль. Тоже бред — приличное судно сюда не пройдет. Со всех сторон рифы и мели — через них и на маленькой лодке нелегко пробраться.

Присев в тенистой расщелине, Макс разулся, окунул ноги в воду и, блаженствуя, покосился вверх. Проклятая Луна никуда и не думала пропадать — все так же портила своей тушей небеса (а уж как настроение портила — словами не передать). Зато следов от самолетов по-прежнему незаметно — за все время ни одного не пролетело.

Может, здесь заповедник и летать над ним запрещено? Хотя какой вред животным от самолетов? И если здесь все так строго, то почему эти трубы разрешили поставить? Вот от них наверняка гадостей больше, чем от тысячи «боингов».

Опустив взгляд, с криком завалился на спину, задрал ноги кверху. Затем кое-как извернулся, отполз от воды, уставился на нее со страхом. Прямо на краю рифа дно обрывалось оче-

редной пропастью. Дно не просматривалось: ровная синева — чем глубже, тем она темнее. Сколько там? Может, целый километр, откуда Максу знать.

Тихо и спокойно. Неужто показалось? А что именно? Сам не понял толком — просто успел заметить, как из глубины выносятся сгусток тьмы. Вытягиваясь исполинским веретеном, он целеустремленно направлялся к ногам, беспечно болтавшимся в воде.

Показалось? Наверное... Нервы ни к черту со всеми этими непонятностями... От жажды голова кружится и руки трясутся. Неужели организм уже так сильно обезвожен? Или от самовнушения все?

И что дальше? Вместо скал нашел какие-то трубы — забраться на них без лестницы невозможно. А ведь он рассчитывал обзреть окрестности с приличной высоты. Деваться некуда — придется довольствоваться тем, что есть.

Забравшись на крупный риф, особняком отстоящий от других, осмотрелся. Других высоких объектов в округе не заметил, но далеко, чуть ли не у самого горизонта, среди бурых скальных россыпей и разноцветных пятен на светлых отмелях темнеет что-то непонятное. И не просто темнеет — там зелень просматривается.

Островок, поросший травой и деревьями? Возможно... Далековато до него — уставшие, ноющие глаза не справляются: не получается разглядеть подробности. Расположен примерно в той же стороне, куда Макс двигался все это время. Если захочет вернуться — эти трубы будут ориентиром.

Глаза будто ножом режет, когда всматривается в даль. Ну почему он не догадался те очки прихватить? Вот и мучайся теперь...

* * *

Опять изнурительная дорога. Макс далеко не слабак, но понемногу начал сдавать — при такой жаре и по тротуару нелегко бродить, а здесь, прыгая по каменным «кочкам» или волочась по неровному мелководью и давя коралловую поросль... Очень непросто здесь передвигаться. Не говоря уже о том, что время от времени приходится пускаться вплавь, наткнувшись на очередную водную преграду. От усталости, жары и жажды начала наваливаться апатия. Потеряв интерес

ко всему окружающему, Макс монотонно переставлял ноги, изредка поглядывая вперед, на увеличивающееся в размерах зеленое пятно. Несомненно, это остров, но не радует уже ничто — вымотался сильно.

Еще голова болеть начала, и время от времени перед глазами все начинает расплываться. Перегрелся? Возможно... Укрыться в тени? А толку — ночью по этим колдобинам идти невозможно, так что долгие передышки лишь удлинят путь. Нельзя ему время терять — с жаждой шутки плохи. Это без еды можно протянуть прилично — без воды долго не побегаешь.

Рифы как обрезало — впереди расстиралась водная гладь. За ней, приблизительно в полукилометре, светлел широкий пляж, окаймляющий густые заросли кустарников. Зелень эта выглядела плоской шапкой на песчаной лысине. Деревьев не видать, размеры островка были скромными — не больше футбольного поля.

Осмотревшись, Макс понял: дальше придется плыть. Хотя бездны здесь не было, но глубины порядочные — от метра до двух, идти по такому дну неразумно.

Опять «чалма», опять шнурки-ботинки. Один плюс — это не «синяя бездна»: акулу здесь можно издали заметить. Да и что ей делать в такой луже?

Добрался без приключений. Пляж. Настоящий пляж. Какая благодать почувствовать под ступнями мягкий песочек, а не жесткую колючую коралловую щетку. Ступать, правда, все равно приходится осторожно — хватает острых обломков раковин.

Выбравшись на берег, доплелся до границы зарослей, присел в тени, расслабился. Плыть пришлось не так уж много, а вымотался сильно. Усталость сказывается.

Надежды на то, что здесь окажется вода, были мизерными. Островок ровный, как стол, сложен из песка и обломков раковин — сомнительно, что на такой малой площади сможет существовать родник или чистое озеро. Но с жаждой не поспоришь — у нее своя логика.

Переведя дух, Макс долго бродил по зарослям во всех направлениях, но тщетно. Везде одно и то же: корявые кустарники с кроной, похожей на чуть сдутый мяч; полоса широкого пляжа; редкие каменные полянки, похожие на хорошо знакомые рифовые постройки, засыпанные песком со всех сто-

рон. Травы мало, встречается редко, и разнообразие ее тоже не впечатляет — три—четыре вида, ни один из которых Макс не знаком. Неудивительно — он и в родной ботанике не очень-то разбирается, а уж в тропической и подавно. Еще пеньк нашел, почти засыпанный — когда-то здесь было дерево, но кто-то его срубил. Очередной признак пребывания человека, столь же бесполезный, как и предыдущие...

Никаких признаков воды... чего и стоило ожидать... Такое впечатление, что это просто скопище рифов, засыпанное песком. Нечего здесь делать...

Но Макс не стал опускать рук — выломав палку, начал копать яму на границе зарослей. Работа поначалу шла быстро — песочек охотно рыхлился, времени на его уборку уходило немного. Но чем дальше Макс углублялся, тем труднее становилось. Рассыпчатый песок сменился коралловой крошкой, чем ниже, тем она становилась плотнее — будто ее утрамбовали вперемешку с цементом. Порезал палец об острый осколок ракушки; гибкая палка быстро разлохматилась на конце, и пришлось выламывать другую. На этот раз Макс был умнее — выбрал сухую. Она тверже — дольше продержится.

Вырыв целый окоп, он уже начал думать, что переоценил свои силы, но нет — крошка на дне стала мокрой, водянистой. Еще немного, и драгоценная влага начала собираться в углублении.

Облизывая растрескавшиеся губы сухим языком, Макс, едва не постанывая от нетерпения, дождался, когда ее скопится побольше. Зачерпнул ладонью бурую от взвеси воду, жадно вылил в рот... и выплюнул.

Все та же горько-соленая морская гадость. Его расчет, что на удалении от береговой линии она будет опресненной, не оправдался.

Плохо... очень плохо... столько сил зря потратил...

Может, попробовать сделать колодец в центре островка?

А смысл? Не верил Макс, что вода там окажется лучше, а копать придется гораздо больше. Нет, оставаться на этом клочке суши он не будет. Здесь, конечно, приятно нежиться на песочке в тени густых кустов, но это лишь отсрочит агонию.

Солнце уже к горизонту клонится, а он еще не нашел ни людей, ни воды, ни еды. Первое не критично; последнее в

краткосрочной перспективе не столь важно, да и нет аппетита; а вот второе...

Сколько он протянет? Не свалится ли завтра окончательно? Те крохи морской воды, что он себе позволяет, вряд ли серьезно помогут. Больше пить боялся, да и не лезло. Сам организм, похоже, отказывается принимать этот яд.

Кстати, если это тропики, то почему нет кокосовых пальм на берегу?! Вроде они везде растут. От молочка орехового Макс бы не отказался. Или их здесь вырубали? Пенек ведь явно не от кустика остался.

Ладно, пустые мысли в сторону. Надо решать, что делать дальше. Переночевать лучше здесь — удобное место, а вот завтра придется куда-нибудь перебираться.

Побродив по берегу, Макс изучил окрестности островка и заметил еще одно пятно зелени. Располагалось оно тоже далеко, и если направиться к нему, придется резко изменить маршрут — от самого буя он двигался практически по прямой, вдоль глубоководной расселины среди рифов. Теперь надо будет свернуть чуть ли не под прямым углом.

А свернуть придется — больше ничего заслуживающего внимания Макс не заметил. Значит, завтра утром он направится к новому островку. Если глаза не обманывают, тот, похоже, побольше этого. А если предположить, что он к тому же вытянут в длину, а Макс видел его с узкой стороны, то можно рассчитывать на впечатляющую площадь. Возможно, там и вода найдется, и люди, и пальмы кокосовые. Хоть что-нибудь из этого должно найтись, иначе Макс сгинет от жажды посреди океана, и даже если кто-нибудь найдет его скелет, то никогда не узнает, кто он и откуда здесь появился.

* * *

Ночь наступила резко — едва солнце скрылось за горизонтом. Будто выключателем щелкнули: раз — и потемнело. И высыпали звезды.

И Макс, едва не заскулив от увиденного, бессильно сжал кулаки.

Дело даже не в том, что ни одного созвездия знакомого он не увидел, — если занесло в Южное полушарие, то так и должно быть. Увы: помимо звезд имелось и кое-что другое. Нет,

та гипертрофированная Луна уже исчезла, скрывшись вслед за солнцем, но нашлись достойные заменители.

Из-за горизонта выглядывал край исполинского грязно-синего диска, покрытого овальными белесыми водоворотами. Трудно по малой части судить о габаритах целого, но Макс был почти уверен, что его видимый размер в два, а то и три раза больше Солнца.

Еще в небе имелась почти нормальная на вид Луна. Причем не единственная — целых две: одна — в фазе полнолуния, другая — лишь тонкий серп, чуть приподнявшийся над горизонтом. Обе вполне сравнимы с родной привычной Лунной. И еще россыпь какой-то мелочи наличествовала — штук семь спутников скромных габаритов: будто вереница горошин или обрывок бус.

— Я сошел с ума, — сам себе не веря, произнес Макс.

Звук собственного голоса показался раскатом грома. В голову полезли нехорошие мысли: а что, если его слова были первыми, которые произнесли человеческие уста в этом мире? Нет, не первыми. Тогда, у буя, он звал Леру. Кричал.

Лера...

Нет! Бред! Вранье! Он на Земле! Возле Австралии! В заповеднике! А вся эта фантастика в небесах — из-за теплового удара и жажды! Обычные галлюцинации! Здесь полным-полно людей! Он бутылку находил вдали от буя и еще пень видел на этом островке! Не может же дерево само себя срубить?!

Но если так, то почему он видит галлюцинации лишь в небесах, а не внизу?

Нет, он и внизу видел кое-что очень странное. Те же трубы — явная галлюцинация. Надо было к ним поплыть и потрогать — они бы растаяли в воздухе. И акулы ему постоянно мерещились.

Он выберется из этого заповедника... Обязательно выберется. Он еще увидит свою Леру и успокоит родителей — те, наверное, места себе не находят после его исчезновения.

* * *

Несмотря на усталость, засыпалось плохо — жажда мешала и постоянно приходилось удерживаться от соблазна: тянуло взглянуть на небеса еще раз. Но если взглянет, тогда точно

бессонная ночь обеспечена. Надо отдохнуть — завтра новый день. Трудный день. Он выберется... он обязан выбраться...

Несмотря на изгоняемые из головы дурные мысли, Макс все меньше и меньше верил в Австралию и ее великие рифы.

Похоже, он крупно влип...

Стоп! Да хватит уже! Иначе никогда не уснет! Ведь без отдыха он не сможет идти!

ГЛАВА 4

Проснулся Макс с рассветом совершенно разбитым. Ночью не удалось поспать серьезно — едва задремав, вскидывался от кошмаров или безо всяких причин. Прятал лицо в песок, стараясь не смотреть на чуждые ему небеса, сворачивался калачиком — под утро стало очень прохладно, и он немного продрог. Даже жалеть начал об оставленной зимней куртке.

Отчаянные надежды на утреннюю росу не оправдались — листва на кустах осталась такой же сухой. Спотыкаясь на ровном месте, спустился к морю и столкнулся с сюрпризом — вода отползла далеко от берега, обнажив дно на обширной площади. Сперва опять начал грешить на галлюцинации, но потом понял: это всего лишь отлив. Последствия притяжения Луны.

А ведь лун здесь многовато...

Стоп! Об этом не думать!

Украдкой покосился в небеса. Солнце, разогнав тьму, прогнало и все космические несуразности — лишь одинокий серп светлел. Размеры его не выходили за рамки приличий, но Макса это не утешило — слишком много нехорошего он повидал этой ночью.

Разогнав чаек, что-то выискивающих на обнажившемся дне, умылся, но облегчения это не принесло — пить хотелось зверски, в суставах поселилась ломота, перед глазами все расплывалось, в ушах молотком стучали удары пульса. Неужели это симптомы обезвоживания? Такое впечатление, будто серьезно заболел... А уж кожу как печет — не передать словами. Малейшее прикосновение к ожогам причиняет такие муки, что едва сознание не теряет. Хочется забраться в прохладную воду по шею и просидеть в ней до вечера. Но нельзя — надо

собраться с силами и не расслабляться. Он должен дойти до этого острова — тот просто обязан оказаться с родниками, ручьями и пресными озерами. Он не слабак, он справится!

Но если там будет такая же пустыня, как здесь, то он покойник. Сил не останется ни на что. Сам удивлен, что так быстро вымотался. Ведь Макс очень крепкий парень. Был...

* * *

Туристы — глупые люди: платят бешеные деньги и едут за тридевять земель, чтобы плавать меж коралловых рифов, загорать на горячем песочке, любоваться экзотической живностью. Все это удовольствие Макс досталось совершенно бесплатно, но ни одной позитивной эмоции он за все время так и не ощутил.

Достал его этот тропический рай...

Преодолев очередной рифовый хаос, Макс выбрался к широкому проливу, протянувшемуся поперек его маршрута. Не первый раз такое происходит, и по опыту он уже знает — обходить такое препятствие бесполезно. Будто широченная трещина, пересекающая рифовое поле, — кто знает, как далеко она тянется. Плавать над синей бездной неуютно, но куда прикажете деваться?

Глаза будто ножом резало — в обезвоженном организме слезы больше не вырабатывались. До желанной зелени уже рукой подать — около километра осталось. Можно разглядеть желтую каемку пляжа и — о счастье! — высокие пальмы, кое-где растущие вдоль берега! Если хоть немного повезет, то они окажутся кокосовыми, как это обычно бывает на атоллах, и он даже без воды напьется.

Оценив ширину препятствия, призадумался. Не меньше сотни метров плыть придется, а ему так не нравится заниматься этим над большими глубинами. Хотя... Чуть в стороне виднеется приличный мысок, а от него дальше тянется вереница одиночных рифов. Как показывает опыт, между ними обычно мелко — легко доберется до последнего по дну. А уже дальше поплывет. Ему останется метров пятьдесят—семьдесят — прилично выгадает.

Обход отнимет время, но зато снизит до минимума расстояние, которое придется проплыть. Несмотря на усталость и недомогание, Макс все еще боялся акул и подсознательно

ожидал нападения именно на самых глубоких участках. Страшно вглядываться в эту синюю бездну, ожидая, когда оттуда выскользнет зубастая тень.

Между камнями оказалось не так уж мелко — к предпоследнему Макс брел по грудь в воде, стараясь не угодить в совсем уж приличные ямы. Но дальше оказалось еще хуже — до последнего в веренице рифа осталось шагов пятнадцать, но глубина там была уже с головкой.

Вздыхнув, Макс в очередной, бесчисленный раз стащил одежду, соорудил «чалму», приспособил в ее «гнезде» ботинки. Повис на руках, плавно, почти беззвучно окунулся в воду, поплыл.

Что это?! Он ведь не производит шума, но где-то рядом что-то явственно плещется.

Откуда только силы взялись — одним рывком добрался до рифа и взлетел на вершину. Лихорадочно закрутил головой. Есть! Среди волн мелькнул треугольник черного плавника. Вот это точно акула!

Рыба, будто красуясь, прошла рядом с рифом, развернулась назад, в глубоководный пролив, но затем, почему-то передумав, описала замкнутую кривую вокруг островка, на котором замер перепуганный Макс. Здоровенная — не меньше шести метров! У страха, правда, глаза велики. Но уж пять в ней есть точно!

Только тут до Макса дошло: он в западне. Назад можно добраться только вплавь, и пока здесь крутится эта тварь — ничего не получится. Да и что ему там делать? От жажды помирать? Или искать обход — другое узкое место, где нет акул?

Поблизости таких мест больше не заметно. Сил у него почти не осталось — долгие путешествия строго противопоказаны. Нет, он рискнет. Выждет. Акуле надоест здесь кружить, и она уберется. Вот тогда он переплывет пролив.

Зачем она вообще заявила? Неужели как-то почуяла Макса? Шум услышала? Наверное, так...

Усевшись на теплый шершавый камень, он принялся ждать. С рифом ему не повезло — ни малейшего укрытия от солнца. Можно, конечно, спуститься к воде, но ему эта идея очень не нравилась.

Акула, описав еще один круг, ушла в залив с нарастающей скоростью. Вдали, среди волн, мелькнул напоследок треугольник ее плавника, и опять водную гладь ничто не нарушает.

Макс не стал расслабляться — продолжал выискивать признаки присутствия хищницы. Но тщетно: ни всплесков подозрительных, ни плавников среди волн. Неподалеку даже пара чаек на воду уселась. Уж птицам сверху виднее — наверное, тоже не заметили ничего подозрительного.

Метров семьдесят водной глади. Очень глубоко. Очень страшно. А плыть надо.

Вздохнув, Макс опять завозился с «чалмой».

* * *

Сил не было, но Макс выложился так, что результатом можно было гордиться. Мчался будто в бассейне, под прицелом тренерского взгляда, косящегося на секундомер. И все равно казалось, что на месте стоит, — уж очень ему не нравилось плавать по морю, где шастают шестиметровые акулы.

На последних метрах дистанции Макс едва разрыв сердца не заработал, когда за спиной послышался все тот же знакомый всплеск. Увеличив темп, хотя это и казалось невозможным, грудью налетел на коралловую поросль и, не обращая внимания на ссадины и кровоточащие царапины, поднялся, обернулся. В глубине мелькнула длинная темная тень. Показалось или?.. Как бы там ни было, теперь он в безопасности.

Присев на камень, перевел дух. Затем оделся, начал зашнуровывать ботинки. Когда возился со вторым, рядом на скалу упала тень, и звонкий, чуть перепуганный мальчишеский голос спросил:

— Ты говорить умеешь?!

Чуть не вскрикнув от неожиданности, Макс обернулся. Неподалеку, на возвышении, действительно стоял мальчишка лет тринадцати. В обтрепанных шортах, на ногах какие-то несуразные угольно-черные сандалии, явно самодельные. Белобрысый, жестоко загорелый, с небрежно обрезанными волосами.

Опять галлюцинация? В людей поверить еще можно, но в то, что здесь кто-нибудь русский может знать...

— Умею, — все же ответил Макс.

Голос хриплый, надсадный — как у старого курильщика.

Радостно заулыбавшись, пацан так же звонко, но уже без страха закричал:

— Он говорит! Ник, он разговаривает! Я же тебе говорил! А

ты: «Дикс он, дикс! Если не веришь, то давай, проверь сам. Или слабо?» Нормальный он! Я проверил!

На камень взобрался еще один мальчишка — этот был постарше, чернявый, но в остальном копия первого: тощий, прожаренный солнцем до состояния «грязный негр», с такой же неухоженной шевелюрой. И было что-то еще, неуловимое, делающее его похожим на первого. Доводилось Максу встречать в книгах выражение «просоленный морем». Вот оба они были именно такими — просоленными. Не вызывало сомнения, что море долго въедалось в их тела и души, пока не пропитало до последней косточки.

Недоверчиво косясь на Макса, старший произнес:

— Был бы диксом, тебя, дуралея, порвал бы как Тузик грелку.

— Да ну! Дикс разве будет ботинки снимать и плавать с одеждой на голове?! Диксы такими продуманными не бывают!

Ник, все еще нехорошо косясь, буркнул:

— Привет. Ты кто?

— Привет. Я — Макс.

Происходящее в своей обыденности было столь абсурдно, что чувство удивления полностью парализовало — ответил очень спокойно.

Белобрысый радостно представился:

— Я — Дима, а это — Ник. В смысле Никита. Но его все Ник называют.

— А тебя вообще-то никто Димой не зовет! Тебя Снежок зовут!

— Пусть так! Но я же все равно Дима!

Максу надоело выслушивать этот пустой треп, и он, все же надеясь, что это не бред умирающего, попросил:

— Ребята, у вас попить нет чего-нибудь? Второй день без воды уже.

Мальчишки синхронно переглянулись, затем уставились на него со странным выражением. Старший, первым не выдержав, спросил:

— А ты вообще откуда?

— Вообще-то я хабаровский, но потом в Питер переехали.

— Да нет, ты откуда здесь взялся? — уточнил младший.

— Из Питера и взялся. Светляк там появился, мы с друзья-

ми смотрели на него, а потом раз — и я в море оказался. Вчера это было. С тех пор хожу здесь, ищу воду и людей.

Ну не смешно ли — общаться с галлюцинациями? Макс, несмотря на четкость «картинки», до сих пор не мог поверить, что перед ним и вправду дети, да еще и по-русски разговаривающие. Нет, определенно его мозг спекся окончательно.

— Ну ты и учудил... — выдав непонятное, Ник покачал головой. — Повезло тебе крупно.

— Да еще и Анфисе не попался! — с восторгом выдал Снежок.

— Какой Анфисе?

— Это рыбина, которая тебя чуть за пятку не цапнула. Она вокруг буя постоянно крутится. Прикормленная гадина. Мы ее Анфисой зовем. Не знаю почему, — пояснил Ник. — Она тебя заметила и думала, что ты назад выбраться захочешь, на тот берег. Под уступом тебя караулила. И ошиблась — ты вперед поплыл, через расселину. Да еще быстро так — будто катер. Никогда не видел, чтобы так быстро кто-то плавал. Вот и не успела догнать.

— Он ведь новенький. В поселок его поведем? — уточнил Снежок.

— Наверное. Куда же еще?

— Так он не переболел, наверное. Второй день только.

— Там разберется. Эй! Макс, ты не переболел еще?

Ничего не понимая, тот начал догадываться — все происходит наяву. С трудом ворочая пересохшими губами, спросил:

— А вы откуда здесь?

— Да откуда и ты, — ответил Ник. — Здесь все такие. Сперва смотрели на светляк, а потом бац — и здесь. А некоторые даже не смотрели — поблизости ошивались, даже не зная про него, и попались. Тебе еще повезло. Странно, что сразу никто не заметил или сам на остров не пошел, — буй ведь рядом совсем, чуть дальше в проливе. Ты почему сразу к острову не пошел?

Макс, осознав, что ему действительно не мерещится происходящее, глупо улыбнулся и, обернувшись, указал вдаль, чуть левее темнеющего у горизонта бесплодного островка:

— Нет, буй — там. Далеко. За островком, и трубы там еще из воды торчат. Вот недалеко от них буй был. Я оттуда пришел.

Мальчишки уставились на него озадаченно. Снежок удивленно воскликнул:

— Вот же повезло тебе, что нас нашел! От самого дальнего буя, получается, добрался. Мало кто оттуда сам приходит.

— Да ты, наверное, совсем от жажды умираешь, — сочувственно произнес Ник.

Макс молча кивнул.

— У нас воды нет, — вздохнул мелкий. — Выпили в обед всю. На остров тебе надо. Мы отведем. Фиг с ними, с ракушками. Правда, Ник?

Старший ответил неодобрительно:

— Рыжий разозлится или даже Бизон. Ох и будет нам...

— Да фиг с ними — новенький гораздо важнее.

— Это ты Бизону сам скажешь, если такой умный. Давай я дальние камни без тебя осмотрю, а ты бегом тащи его в поселок. Как приведешь — так сразу назад: я за двоих никак не успею.

Макс из их разговора понимал только слова — смысл ускользал. Но жест Снежка был вполне ясен: тот приглашал следовать за ним.

Зашнуровал наконец ботинок. Поднялся. Пошел за мальчишкой.

Неизвестно, что здесь происходит, но одно почти очевидно — его должны напоить.

ГЛАВА 5

Диме кличка подходила идеально — на фоне до черноты загорелой кожи его почти белая вихрастая шевелюра и впрямь напоминала кучку снега. Он, судя по всему, знал здесь каждый камешек — идти за ним Максу было удобно и приятно. Даже частые обходы не напрягали — их явно делали ради комфорта. Там, где он потерял бы немало времени на раздевание-одевание и заплывы, мальчишка просто находил другой путь — человеку, который знает каждый коралл на дне, это легко.

Вскоре рифовый хаос остался позади — к острову они подошли по мелководью с ровным песчаным дном. Нет, коралловые нагромождения и здесь встречались, но нечасто и лишь в отдельных местах.